

ПОВѢСТЬ О БИТВЕ НА ЛИПИЦЕ

О ПОБОИЩИ НОВОГОРОДЦѢМЪ СЪ ЯРОСЛАВОМЪ.

В лето 6724. Марта 1 въ вторникъ поиде князь Мстиславъ с новгородци на зять свой на Ярослава, а в четвертокъ повѣгоша къ Ярославу крестопреступници Володиславъ Завидовичъ, Гаврила Игоревичъ, Юрьи Алексиничъ, Гаврилецъ Милятичъ, и с женами, и съ дѣтми. Новгородци же поидоша Серегиромъ, и быша врѣху Волзѣ, осѣлъ Святославъ Ржовкѣ; городець Мстиславль с полкы въ 10000. Мстиславъ же с Володимеромъ съ Псковскымъ поиде вборзѣ въ 500, толико бо всѣхъ вой бѣше, и пригони, а они бѣху повѣгли проч. А Ярѣнъ бѣ затворился въ градѣ въ 100 и отбѣсь у нихъ, и Мстиславъ взя Зубецк и быша на Возузѣ. И прииде Володимеръ Рюриковичъ съ смолянны.

И послаша на Торжокъ Ярославу о миру, а сами сташа на Колохне. Ярославъ же отвѣтъ да: «Мира не хощю, пошли естя, поидѣте же, нони стѣ насъ достанется одинъ васъ». И ркоша промежъ себе князи: «Ты, Ярославе, съ силою, а мы съ крестомъ».

Ярославли же мужи изчинниша твердь, а пѣти отъ Новаграда засѣкоша, и рѣкѣ Тферцу. И ркоша новгородци княземъ: «Поидемъ къ Торжкѣ». И князи ркоша: «Аще поидемъ къ Торжкѣ, то попустошимъ Новгородскую власть».

И тако поидоша къ Тферю, начаша имати села и жечи, а на Ярослава не бѣ вѣсти, в Торжкѣ ли или въ Тферю. И Ярославъ же слышавъ, оже емлютъ села, еха ис Торжкѣ въ Тферю, поидавъ с собою старѣйшая мужи новгородския, и молодыхъ изборомъ, а новотръжци вси. И посла сто мужъ избранныхъ в сторожѣ, они же выехавше за 15 верстѣ отъ града явишася, тѣ бо стали бѣху князи наши, поставивше полкы, творяста рать великѣ. И посла Ярѣна с молодыми людьми, и наехаша на него сторожи Ярославли, и пособи Богъ Ярѣну, изымаша сторожовъ Ярославлихъ 33, а седмь ихъ убиша, а нынѣ уѣбѣжаша въ Тферю, то же бысть первая повѣда на нихъ на Благовещенье Богородици, 5 неделя поста.

И бѣ вѣсть у тѣхъ, что Ярославъ въ Тферю, и тако ездяху в зажитне не боящеся. И оттолѣ послаша Яволода, боярина Володимеря, къ Костянтинѣ Всеволодичю в Ростовъ, а Володимера Псковского съ псковичи и смолянны на рубежѣ послаша проводитьи ѿ. А сами с новгородци поидоша по Блзѣ воюще, и пожгошѣ Шешѣ и Дубнѣ. И Володимеръ съ псковичи и съ смолянны взяша городъ Коснятинъ и пожгоша ѿ и все Поволжье. И срѣте ѿ воевода Фредий отъ князя Константина из Ростова, нашихъ князей, и рече: «Константинъ ся вамъ кланяетъ: яз радъ, слышавъ вашъ приездъ; се вамъ от мене в помочь 500 мужъ рати, да пришлите ко мнѣ съ всѣми рѣчми Всеволода, шюринна моего».

И тѹ и отрядиста Всеволода с дружиною, и послаша къ Константину, а сами пондоша по Волзѣ вниз, и тѹ пометаша возы, а на кони полѣзоша и поедоша к Переяславлю воюючи. И быша на Городищи на рѣцѣ Саррѣ ꙗ Святѣй Марины априля 9 в Велик день, и тѹ приѣха Константин князь с ростовци. И възрадовашася видѣвшеся, и крестъ цѣловаша, и отрядиша Володимера Псковского с дружиною в Ростов, а сами, пришедше с полки, сташа противу Переяславлю в Фоминѹ неделю. И ѣхавше ис плѣков под град, яша человека, и испыташа, оже Ярослава в градѣ нѣтъ: пошел бяше к брату Юрьеву с полки, скопив волость свою всю с новгородци и с новоторъжци.

Юрьеву княжение Всеволодича в Сѹждалѣ. Я Юрью съ Святославоу и с Володимероу вышел бяше из Володимера съ всею братнею. И бяху полци силни велики: мѹроуци, и бродници, и городчане, и вся сила Сѹждальской земли; бяше бо погнано ис поселий и до пѣшца. Оле страшно чюдо и дивно, братье! Пондоша сынове на отцы, а отцы на дѣти, брат на брата, рабы на господу, а господа на рабы. И ста Ярослав и Юрью з братьею на рѣцѣ Кзѣ. Я Мстислав же и Володимеръ с новгородци постависта свои полки близ Юрьева, и тѹ стоаста. Я Константин дале стоаше съ своими полки на рѣцѣ Липицѣ. И үзрѣша плѣкы стояща Ярославли и Юрьевы, и послаша Лариона соцкого къ Юрью: «Клянѣм ти ся, нѣтѹ намъ с тобою обиды; обида намъ съ Ярославом». Отвѣцав же Юрью: «Одинъ есмь братъ съ Ярославом».

И посласта къ Ярославу, ркѹще: «Пустѣ мѹжи новгородци и новоторъжци, и что зашол еси волости новгородскыя, Волок вспяти. Я миръ с нами възми, а крестъ к намъ цѣлуй, а крови не проливай».

Отвѣща же Ярослав: «Мира не хотѹ, а мѹжи ꙗ мене, но далече есте шли, а вышли есте как рыба на сѹхо». И сказа Ларьян тѹ рѣчь князем и новгородцемъ.

И пакы посласта къ обѣма княземъ с послѣднею рѣчю: «Мы пришли есмь, брате Юрью и Ярославе, не на пролитѣ крови, не дай Богъ створить того! ᙗправимся, мы бо есмь племенници собѣ, а дадим старѣйшинство Константину, а посадите его в Володимерѣ, а вамъ земля Сѹждальская вся».

Юрью же рече: «Рци брату Мстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отъйти? Я брату Константину молвимъ: перемогай нас, тобѣ вся земля».

И тако Юрью съ Ярославом възнесшеся славою, видѣвше ꙗ себе силу великѹю, не прияста мира и начаста пировати в шатрѣ с своими бояры. Молвит Творимиръ боярин: «Княже Юрью и Ярославе, а меншаа братья в вашей воли! Оже бы по моему гаданию, лѹчше было миръ взяти и дати старѣйшинство Константину. Чи зримъ иже при наших полцѣхъ тѣхъ мало, Ростиславля племени, да князи мѹдри сѹтъ, и рядни, и хоробри, а

мужн их, новгородци и смоляне, дерзъки сѹть к боеви. Я Мстислава Мстиславичя и сами вѣдаете в том племени, иже дана емѹ от Бога храбрость изъ всѣх. Я господина, гаданта».

И не любя бысть рѣчь си Юрью и Ярославѹ. Нѣкто же рече боярь Юрьевых: «Княже Юри и Ярославе, не было того ни в прадѣдехъ, ни при дѣдехъ, ни при отци вашем, оже бы кто вшед ратью в силнѹю в Сѹждадскѹю землю, оже бы вышел цѣлъ. Хотя бы и вся Рѹскаа земля и Галичскаа, и Киевскаа, и Смоленскаа, и Черниговскаа, и Новгородскаа, и Рязанскаа, ни тако противѹ сей силѣ успѣют. Ажъ нынешние полцы, право, наверхемъ их сѣдлы».

И любя бысть рѣчь си Юрьевн и Ярославѹ, и съзвша бояры и переднии свои люди, начаста глаголати: «Се пришел вы товаръ в рѹкы: вам же бѹди кони, брони, порты, а человека, иже кто иметь живаго, то сам ѹбитъ бѹдет; аще и златом шито плечне бѹдет, ѹби и, а мы два надѣлива. Да не оставимъ ни одного живаго. Аще кто с полкѹ ѹтечет не ѹбит, а имемъ и, а тѣх повелѣваемъ вѣшати, а инѣх распинати. Я о князех, оже бѹдут ѹ нас в рѹках, тогда сгадаем».

И отпѹстивша люди, внидоста в шатерь з братьею, и начаста дѣлити грады, и рече Юри: «Мнѣ же, брате Ярославе, Володимерскаа земля и Ростовскаа, а тобѣ Новград, а Смоленскъ братѹ нашемѹ Святославѹ, а Киев даевѣ черниговъскимъ князем, а Галич нам же».

И цѣловаша крестъ межн собою, и писаша грамоты того не застѹпити. Ты же грамоты взяша смоляне по повѣдѣ в станех Ярославних и даша своим князем. Юри же и Ярослав раздѣливше грады вси Рѹсской земли, надѣющесь силѣ своей многой, почаста позывати к Липицам.

Мстислав же и Володимеръ призваста Константина и гадавша с ним много, ѹвѣриста и крестомъ, яко не быти в немъ перевѣтѹ, и поидоша. И тое же ноци пополошишась, стояша за щиты всю ношь, кликоша бо въ всѣх полцех. И встрѹбиша в Константиновых полцех, слышавше Юри и Ярослав, хотѣста побѣгнѹти и ѹяшась. Заѹтра же придоша князи к Липицам, где их позывали, а они тое ношь поскочили бяхѹ за дѣбрь. И есть гора, словет Явдова, тѹ постави Юри и Ярослав свои полкы, а Мстиславъ и Володимеръ и Константин и Всеволод поставиша полкы свои на дрѹгой горѣ, еже словет Юрьева гора, а посреди двою горѹ рѹчей, имя емѹ Тѹнег. И посласта Мстислав и Володимеръ з мужи к Юрьевн, мира просяще: «Или не даси мира, да отстѹпите дале на равно мѣсто, а мы на ваши станы поидем, или мы отстѹпимъ на Липици, а вы на наши станы».

Юрьн же рече: «Ни мира емлю, ни отступая. Пошли есте чресь землю, то сее ли дебри не перендете?»

Надѣаше бо ся на твердь, бяше бо плотом оплетено мѣсто и насовано колья, тѹ бо стояху, глаголюще: егда ударят на нас в ношь. То слышав Мстислав и Володимерь, посласта молодые люди бится. И бишяся ти день и до вѣчера, но бяхутся не присердно, бяше бо того дни буря и стѹдено велии. Зѹтра же хотѣшя поити к Володимерю, не занимаючи их плѣков, почаша dospѣвати в станех. Они же видѣвше с горы, начашя сходити, глаголюще: ото бѣжати имъ. Си же текше възбиша их назадъ. Я тѹ пристиже Володимерь Псковскый из Ростова, и начашя дѹмати. Рече Костянтин: «Брате Мстиславе и Володимере, аще пондем мимо их, измятѹт ны в тылъ, а дрѹгое, мои люди к боеви не дерзи, тамо и разидѹтся по градом».

Мстислав же рече: «Володимере и Константине, гора намъ не поможет, ни гора нас побѣдит. Позряще на креста и на правдѹ, пондемъ к нимъ».

И почашя ставити плѣкы. Володимир же Смоленскый постави плѣкъ свой с краа, а от него ста Мстислав, и Всеволод с новгородци, и Володимерь съ псковичи, а от него Константинъ с ростовци. Ярослав же ста свонци полкы, и с мѹромскыми, и с городчаны, и с бродники противѹ Володимерѹ и смолянном. Я Юрьн ста противѹ Мстиславу и новгородцемъ съ всею силою Сѹздалской земли, а меншаа его братья противѹ Константину.

Нача же Мстислав с Володимеромъ ѹкрѣпляти новгородци и смоляны, ркѹще: «Братье, се вошли есми в землю силнѹ, а позряче на Богъ, станемъ крѣпко, не озираимся назадъ: побегше, не ѹйти. Я забѹдемъ, братье, домы, жены и дѣти, а коли любо ѹмирати, хто хочеть пѣшь, или кто на конѣ».

Новгородци же ркоша: «Мы не хотимъ измрети на коних, но отцы наши билися на Колакши пѣши».

Мстислав рад бысть тому. Новгородци же ссѣд с коней, и порты и сапоги с себе сметавше, боси поскочиша. Я смоляне же молодые полѣзше же с конь, тако же пондоша боси, завиваючи ноги.

Я по них отряди Володимиръ Ивора Михайловича с полком, а сами князи поѣхаша за ними на коних. И егда бѣ плѣкъ Иворъ в дебри, подчесь под Иворомъ конь, пѣшци же, не ожидающе Ивор, ударнша на Ярославнихъ пѣшцев, и кликнуша они врьгше кии, а они топоры, ото бѣжати имъ, они же побѣгоша, и тако почаша я бити, подтяшя стягъ

Ярославль. И пристиже Иворъ с смолянны же и досѣкошася другаго стяга, а князи же не доехали еще. Видѣвъ Мстислав рече: «Не дай Богъ выдати, Володимере, добрыхъ люди».

И удариша на нихъ сквозѣ свои пѣшци, Мстиславъ своимъ полкомъ, а Володимеръ своимъ, а Всеволодъ Мстиславичъ з дружиною, а Володимеръ съ псковичи, пристиже и Константинъ с ростовци. Мстиславъ же проеха 3-жды сквозѣ полки Юрьевы и Ярославли, сѣкуще люди, бѣ бо у него топоръ с поворозою на рѣцѣ и сѣчаше тѣмь. Тако же и Володимеръ. И створиша брань велику, и досѣкошася до товаровъ. Юрьи же и Ярославъ, видѣвшѣ, аки на нихъ класы пожинаху, побѣгоста с меншею братьею и с муромскими князи. Мстиславъ же рече: «Братье новгородци, не стойте к товару, прилежите боеви: възвергнутъ ли ся на насъ и смятутъ ны».

Новгородци же не радячи товаръ бяхуся, а смоляне падша на товарѣ и лупяху мертвыхъ, а о бон не правяху. Побѣжени же бывше полки силнии суждалстни месяца априля 21 в четвертокъ 2 недели по Пасце.

О великъ, братье, промыслъ Божий! На томъ побоищи толко новгородецъ убиша на стѣпѣ; Дмитра пльсковитина, Онтонъ котелника, Ивана Прибышинича опонника, а в загонѣ Иванка Поповича, терскаго данника, а в смоленскомъ полку одинъ бысть убитъ Григоръ Водмоль, мужъ передний. Я си вси съхранени быша силою честнаго креста и правдою.

О многы побѣды, братье, безчисленое число, яко не можетъ умъ человетьскый достигнути Юрьевыхъ и Ярославлихъ изъбьеныхъ, а изыманыхъ баше в станехъ въ всѣхъ в новгородскихъ и в смоленскихъ 60 мужъ. Яще бо быста вѣдала се Юрьи и Ярославъ, то мирилася быста: се бо слава ея и хвала погыбе, и полци силнии ни во что же быша. Бяше бо у Юрья стяговъ 17, а трубъ 40, толко же и бѣбновъ, а у Ярослава стяговъ 13, а трубъ и бѣбновъ 60. Молвахутъ мнози люди о Ярославѣ, яко: «Тобою ся намъ много зла створи. Про твое бо преступление крестное речено бысть: “приидѣте, птици небесныя, напийтеса крови человетьскы; звѣрне, наядитеса мяс человетьскыхъ”». Не 10 бо убито, ни 100, но тысяща тысящамъ, а всѣхъ избитыхъ 9233 мужи. Бяше бо слышати крич живыхъ, иже не до смерти убити, и вытне прободеныхъ въ Юрьевѣ градѣ и около Юрьева. Не бѣ кто погреблаа, а мнози истопоша бѣжаше в рѣцѣ, а инни забѣгши ранени измоша, а живии побѣгоша, овни к Володимерю, а инни к Переяслави, а инни въ Юрьевъ.

Князь же Юрьи, стоявъ противу Константину, и узрѣ Ярославль плѣкъ побѣгшъ, и тѣй приѣжа в Володимеръ о полудни на четвертомъ кони, а трехъ одушивъ, въ первой срацицѣ — подкладъ и тѣй вывергла. Я стѣпу быль въ обѣдъ годъ. В Володимерѣ же остался непротивный народъ: попове, чернцы, жены, дѣти, и видѣвшѣ радовахуся, творяху посла от князя, и ти бо глаголаху: «Наши одолѣютъ». И се Юрьи приѣгла одинъ, началъ ездити

около града, глаголя: «Твердите град». Они же слышавше, смятошася, и бысть в веселья мѣсто плач. К вечеру же прибѣгоша людие, инѣ раненѣ, а инѣ нагѣ, такоже и ноши тоя. И заутра, съзвавъ людей, Юрьи рече: «Братья володимерци, затворимся в городѣ, негли отбѣемся их».

Молвять людие: «Княже Юрьи, с кимъ ся затворим? Братья наша избита, а инии изымани, а прок нашъ прибѣгло без оружиа. То с кимъ станем?».

Юрьи же рече: «То яз все вѣдаю, а не выдайтя мя ни брату Константину, ни Володимеру, ни Мстиславу, да быхъ вышол по свое воли из града». Они же тако обѣщашася ему.

Ярослав же такоже прибѣгль одинъ в Переяславль на 5-мь кони, а четырехъ одушив, и затворися. И не доволѣ ему о первомъ злѣ, не насытися крови человетьскыя, избив в Новѣграде людей много, и в Торжку, и на Волоцѣ, но и ту в бѣгъ изыма новгородци и смолняны, иже бѣ зашли гостебюю в землю его, повел в погребы вметати, что есть новгородцев, а иных в гридницу; и ту издохшеся въ множествѣ, а иных повелѣ затворити в тѣснѣ избѣ и издуши их 150, а смолнян 15 муж затворнша кромѣ, ти же быша вси живи.

Князи же, племя Ростиславле, милостиви суть и до хрестьянства добрѣ, той день стоаше на побоищи. Яще быша гонилися по них, то Юрьеви и Ярославу не ути было, а град бы Володимеръ изъехали. Но тихо придоша к Володимерю и обѣхавше его, сташа в день неделный до обѣда и думлаху откуду взяти и. И тое ноши загорѣся в градѣ княж дворъ, и хотѣша новгородци полѣсти к граду, и не да им Мстислав, а въ вторник на ношь въ 2 час загорѣся же град, и горѣ до свѣта. Смолняне же просяхуся: «Ото чина взяти намъ град». Володимер же не пусти их. И высла князь Юрьи с поклономъ къ князем: «Не дѣйте мене днесь, а заутра понду из града».

Заутра же рано выеха Юрьи съ двѣма браты, и поклонися княземъ, и рече Мстиславу и Володимеру: «Братье, вам ся кланяю и челоомъ бою: вамъ животъ дати и хлѣбом накормити. Я Константин, брат мой, в вашей воли».

И да имъ дары многы, они же даша ему миръ. Мстислав же и Володимеръ управиста ихъ: Константину Володимеръ, а Юрию Радилон Городецъ. И тако вборзѣ спрятавшеся в лодьи, и владыка, и княгини, и людие вси поедоша вниз. Сам же Юрьи вшед в церковь в святую Богородицу, ударил челоомъ и отня гроба и плачася глаголаше: «Суди Богъ брату моему Ярославу, оже мя сего доведе».

И тако понде из Володимеря в малѣ дружинѣ в Городецъ. Из Володимеря же выидоша съ кресты граждане же вси противу Константина. Князи ж с новгородци посадиша

Константина в Володимери на столѣ отнѣ. Князь же Константин одари в той день князи, и новгородци, и смолнян дары многыми, а володимерцов води къ кресту.

А Ярослав же еще пребываа в злобѣ и дыша гнѣвом и не покоряшеся, затворися в Переяславлѣ и творяшеся тамо избыти. Князи же, сдумавше с новгородци, пондоша к Переяславлю в пяток 3 недели по Пасце. Слышав се Ярослав, смятесе, нача высылати люди, моляся о мирѣ. И бысть вторник 4 недели, выѣха Ярослав самъ из града, ударн челом Константину брату и рече: «Господине, аз есмь в твоей воли, не выдавай мя тестю моему Мстиславу, ни Володимеру, а сам, брате, накорми мя хлѣбом».

Константин же управи Мстислава с Ярославом с зятем, и умиришася не дондучи Переяславля. А в среду в Преполовление придоша к Переяславлю, и ту Ярослав одари князи и новгородци дары великими. А Мстислав, не идя к граду, понмав дары, посла в град и възмя дщерь свою, а жену Ярославлю, и что живых новгородцов, и что было съ Ярославомъ в полку, и выѣха в станы за град. Ярослав же многажды высылашесе с молбою къ Мстиславу, прося княгини своей к собѣ, глаголя: «Чи не бывает поточи княземь? А мене по правдѣ крестъ убил». Мстислав же не пусти дщери своей к нему. И ту ночь стоявше князи пондоша розно: Константин к Володимеру, а Мстислав к Новуграду, Володимеръ к Смоленску, а другый Володимеръ къ Пскову, повѣдивше силнии плъкы и вземше свою честь и славу.